

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Сергею Евсееву

Холодным январским днем я шел в Озерки, надеясь дождаться машины в город. Зима, снежная, стылая, своими морозами словно придавила все вокруг. Даже солнцу не дает высоко поднять голову, и оно, втянув ее в плечи туманного горизонта, торопливо пробегает неширокое мерзнувшее поле с одного края на другой. Густо заросшие белой шерстью инея, молчат, не шевеля ни веточкой, деревья и кусты. Даже снежное покрывало на земле – и то шерстится иголочками инея. Лишь на сухой ветке старой лозины чуть мерцает от дыхания мороза серебряный огонек едва колеблющейся блестки инея.

В деревне, чтобы не мерзнуть в ожидании на улице, я постучался в окошко крайней избы, где жила знакомая древняя старуха. Вызвать хозяйку мне помогала собака, сидевшая на цепи за домом и лаявшая все время, пока я стучался.

– Кто там? – нескоро и беспокойно откликнулась старуха и успокоилась, узнав мой голос.

– Отвори, там у мене не заперто.

Она почти слепа, но слух ее чуток.

– А я слышу: собака усе гамит и гамит. Кто-то, думаю, пришел.

Пока подходила к двери, чтобы встретить гостя, со слепу потеряла кровать, на которой лежала. Сунулась к печке, потом наткнулась на стену.

– Я чевой-то заблудилась. Проводи мене.

Я подвел ее к кровати за печкой, и она легла.

– Ой, мороз-то нынче, – сожалея и вздыхая, сказала она. – Я-то уж и не закрываюсь, боюсь, помру. Кабы до теплушка дожить-то, а там и помереть.

И она с охотой, в который раз стала рассказывать о своих сыновьях и расспрашивать меня. Я убавил громкости у радио, которое бубнило на подоконнике. Старуха замолчала, а потом спросила из-за занавески:

– А ты что: радива притаил? – и одобрила: – ну и так-то, пусть не мешает.

Помолчав, я спросил:

– А молока в деревне не у кого купить?

– Молочка? Да вон хоть у Веревкиных. У них теперь его много, теленок-то истратился.

– Как истратился?

– Да как... Они не доглядели, собаки его и съели. С лисами вместе. Их теперь, лис этих, поразвелось! Да и ворон тоже.

Машина в условный час не пришла, и я побрел обратно, думая о старухе и ее дивном языке, в котором столько добра, что, кажется, на нем и ругаться не сможешь.

Подходил к деревне в сумерках, когда в природе оставались только два цвета – серый и белый. Деревья в два морозных дня все взялись инеем. Седая, грузная от холодов зима попрятала, выморозила все краски. Даже ель кажется серой в юных сумерках. И вдруг за ветвями берез, стоящих за прудом – узкий кровавый мазок зари: короткий, в две-три минуты, успевший до полного истления измениться от ярко-алого до бурого. И пропал... Зашло солнце, притаилось до утра за полем в ночной тьме.